

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Л. РОЧЕВА

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЗИЦИЙ «КАРЬЕРЫ КВАРТИРОСЪЕМЩИКА» И МОДЕЛЕЙ ПРОЖИВАНИЯ В МОСКВЕ МИГРАНТОВ ИЗ КИРГИЗИИ И УЗБЕКИСТАНА¹

Аннотация. Данная статья обращается к одной из тщательно изучаемых в международных исследованиях, но пока практически игнорируемой в российских социальных науках теме — проблемам проживания мигрантов в принимающем обществе. Задача статьи — развить и детализировать один из разрабатываемых в этой теме концептов — концепт «жилищной карьеры», обозначающий смену жилищных условий индивида или домохозяйства по мере смены этапов жизненного цикла. Ограничиваясь кейсами арендованной недвижимости, автор вводит более узкое понятие — «карьера квартиросъемщика» — и демонстрирует основные позиции внутри этой карьеры, а также обязанности, ресурсы и социальные отношения, которые этими позициями предполагаются. В статье намечается одна из возможных «карьерных траекторий», ведущая от позиции арендующего койко-место до позиции «хозяина», то есть ответственного квартиросъемщика. Кроме того, в статье обсуждаются три модели проживания мигрантов, каждая из которых предполагает разную степень привязанности к месту жительства. Минимальная привязанность — у мигранта, который снимает койко-место в квартире, в которой он не знаком со своими соседями и, более того, даже не знает точного их количества. Максимальная привязанность — у мигранта, который арендует квартиру / комнату с проживающим в ней пожилым

Рочева Анна Леонидовна — научный сотрудник Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, младший научный сотрудник Института социологии РАН.

Адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 84, корп. 3, оф. 2105.

Телефон: 8 (916) 135-54-00.

Электронная почта: Anna.rocheva@gmail.com

¹Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант 13-06-00855), руководитель исследовательского проекта — Е.Б. Деминцева, участники проекта — Д.С. Елманова, В.М. Пешкова.

хозяином, формируя с ним «симбиотические» отношения, при которых начинает ухаживать за владельцем квартиры, а тот сдает ему комнату дешевле. Эмпирическая база статьи — проведенные в 2013 году 61 интервью с мигрантами из Киргизии и Узбекистана, проживающими в Москве.

Ключевые слова: модели проживания мигрантов, карьера квартиросъемщика, жилищная карьера, анонимизация, привязанность.

Введение

В последние годы в СМИ много говорят о «резиновых квартирах», подразумевая под этим как квартиры, в которых зарегистрировано много человек, так и квартиры с большим количеством реальных жильцов. Однако исследований о местах жительства мигрантов, а также об особенностях структуры и организации их домохозяйств практически не проводилось. В силу этого квартиры, в которых живут мигранты, остаются *terra incognita* и порождают много мифов и стереотипов. Между тем в международных исследованиях проживание мигрантов в принимающем обществе является одной из популярных тем. Модели расселения, конфигурации домохозяйств и идентификация мигрантов с местом проживания в принимающей стране (*belonging*) рассматриваются в связи с интеграцией мигрантов в принимающее общество и с трансформацией самого принимающего общества.

Один из используемых исследователями концептов — это «жилищная карьера» мигрантов, которая подразумевает смену жилищных условий индивида или домохозяйства по мере прохождения этапов жизненного цикла. На данный момент этот концепт слабо разработан и не позволяет увидеть, например, того, какие социальные отношения связаны с той или иной позицией этой карьеры, какие ресурсы и обязанности каждая позиция предполагает. В этом и состоит задача настоящей статьи: ограничившись «карьерой квартиросъемщика», выяснить, какие позиции она предполагает и что означает каждая из них. Метафора карьеры позволяет увидеть, что мигрант может менять места проживания, оставаясь в рамках прежних отношений с хозяином квартиры и другими жильцами; и напротив, может, оставаясь в той же квартире, изменять свою позицию в отношении и хозяина квартиры, и других жильцов. Под сменой «позиций» внутри квартиры и сменой мест жительства мы и будем понимать «карьеру квартиросъемщика». Эмпирическая база статьи — серия интервью с мигрантами из Узбекистана и Киргизии, этническими киргизами и узбеками, которые проживают в Москве, независимо от их нынешнего гражданства. После изложения теоретико-методологических оснований мы опишем три модели проживания мигрантов, выделенных в ходе исследования, основные позиции «карьеры квартиросъемщика» и предполагаемые ими «должностные обязанности», а затем — одну из возможных траекторий такой карьеры с переходами от позиции арендующего койко-место к позиции ответственного квартиросъемщика.

Теоретико-методологические основания исследования

«Жилье» мигрантов так или иначе становится предметом изучения сразу нескольких обширных групп исследований. Во-первых, модели проживания мигрантов, этнических меньшинств, с одной стороны, и большинства, с другой стороны, становятся «переменной» в большой дискуссии, в которой обсуждается связь между культурным / этническим разнообразием и доверием / солидарностью на локальном уровне. В частности, в ее рамках важным становится вопрос о том, как связаны пространственная сегрегация, когда «большинство» живет в одних районах, а «меньшинство» в других, с показателями благополучия этого общества. Исследователи изучают связь между сегрегацией и негативными эффектами — низкими уровнями солидарности и обобщенного доверия [24], экономического развития [8], а также качества государственного управления [9]. На сегодняшний момент единого и однозначного ответа на эти вопросы нет². Р. Патнем указывает, что в краткосрочной перспективе рост этнического разнообразия ведет к ухудшению социального капитала, снижению доверия, разрушению социальных связей, однако уточняет, что в долгосрочной перспективе общества со значительным присутствием мигрантов генерируют новые формы и основания солидарности, таким образом нивелируя негативные эффекты [22].

Во-вторых, поведение мигрантов на рынке недвижимости исследуется в связи с их интеграцией. Здесь расселение может рассматриваться как элемент интеграции или ее производная: чем более успешна интеграция мигрантов, тем больше их модели расселения будут походить на модели расселения «большинства» [10]. При этом ряд исследователей отмечают, что концентрированное проживание представителей этнических меньшинств в отдельных районах может иметь не только негативные, но и позитивные эффекты, в числе которых — сохранение социального капитала и защита от дискриминации «внешнего» общества [25]. В рамках такого подхода исследователи рассматривают вопросы, например, о тех факторах, которые обуславливают сегрегацию [16], а также изучают дискурсы о причинах сегрегации, которыми оперируют представители «большинства» и «меньшинств» [19; 20; 21]. Российские исследования фиксируют отсутствие этнических кварталов в Москве [4], но детальное изучение этой темы затруднено из-за отсутствия надежных данных, в силу чего в России пока вряд ли возможны исследования с подсчетом индексов сегрегации [15].

² Отдельные исследователи показывают, что проживание в «этническом районе» для мигранта позитивно сказывается на его заработке в течение первых лет, если же он остается там жить и дальше, это имеет негативный эффект [18].

Третий важный блок работ посвящен идентификации мигрантов с каким-либо пространством как с «домом» — то есть ощущению принадлежности (belonging) [12]. Одно из немногих российских исследований, выполненных на эту тему, можно отнести как раз к этому блоку работ. Это исследование О. Бредниковой и О. Ткач того, как происходит создание нового Дома женщинами-мигрантами [2].

Четвертый блок составляют работы, в которых изучаются модели проживания мигрантов. Исследование Центра Пью (*Pew Research Center*) показывает, что среди мигрантов в США в целом более распространена модель домохозяйств, объединяющих несколько поколений [23]. Ф. Кейсиниц и коллеги [13] показывают, что такая модель домохозяйства в Нью-Йорке способствует реализации более успешных экономических стратегий вторым поколением мигрантов по сравнению с молодыми людьми из числа немигрантов. Если для немигрантов даже в ситуации высоких цен на недвижимость совместное проживание нескольких поколений одной семьи неприемлемо, а значит, молодые стараются снимать жилье отдельно, то для мигрантов из ряда стран, напротив, многопоколенческое домохозяйство считается нормальным — и возникают модели взаимовыручки, когда старшие сидят с внуками, и расходы на недвижимость снижаются. На российском материале В. Агаджанян и Н. Зотова [1] выяснили, что условия проживания — один из наиболее чувствительных вопросов, вызывающий гораздо больше смущения у информантов, чем даже основная тема исследования — сексуальное поведение. Согласно результатам опроса, наименее благоприятные условия проживания — у киргизок: с ними в одной комнате проживает больше человек, чем с узбечками и таджичками.

Пятый блок исследований организуется вокруг «жилищной карьеры» (*“housing career”*), означающей смену жилищных условий индивида или домохозяйства по мере прохождения этапов жизненного цикла [17]. Изначально предполагалось, что это движение линейное и прогрессивное, от менее — к более благоприятным условиям проживания, однако последние исследования показали, что конкретные карьеры, или траектории, могут включать в себя движения и «вниз», и «вбок» [17]. Если в одних исследованиях используется субъективная оценка респондентами собственных условий проживания [17], то в других под карьерой на рынке жилья понимается движение от аренды жилья к кооперативному и, наконец, к собственному жилью [7; 14]. В этом исследовании мы ограничиваемся только кейсами движения мигрантов от одного съемного жилья к другому³, поэтому будем

³ Мы оставляем за рамками этой работы варианты служебного жилья, вагончиков и общежитий, так же как и «маргинальные варианты», например проживание в недостроенных домах или квартирах без отделки.

использовать более узкое понятие — «карьера квартиросъемщика», подразумевая под ней смену «позиций» внутри квартиры и смену мест жительства.

Материалом для статьи послужили интервью, собранные в рамках проекта, выполненного в четырех районах Москвы, которые различаются «благополучностью», близостью к центру, стоимостью квадратного метра жилья, а также, как выяснилось в ходе исследования, «составом» мигрантов (см. табл.). Границы районов были заданы исследователями и не привязаны к административному делению города. В 2013 году было проведено 61 интервью: по 14–16 в каждом районе. Интервью, которые частично взяли сами исследователи, частично — привлеченные двуязычные интервьюеры, были с согласия респондентов записаны, а затем транскрибированы и закодированы.

Таблица

Выборка по интервью

Район проживания	Киргизы		Узбеки	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Академический	6	4	3	1
Беговой	9	6	1	0
Молодежная	4	7	4	1
Реутов – Новокосино	3	4	4	4

Модели проживания

Московские районы из-за советской застройки и заселения⁴, а также постсоветской «точечной застройки», оказались весьма разнородными как в плане архитектуры, так и в плане социального состава жителей. В итоге, этнических районов в городе не возникло, однако существует сегмент квартир в любом районе, которые с большей вероятностью будут занимать низкодоходные группы квартиросъемщиков и/или иноэтничные мигранты. Проведенные интервью позволили создать типологию таких квартир и в связи с ней выделить модели проживания мигрантов. *Первая модель* — это аренда одно- или двухкомнатной квартиры несколькими мигрантами, которые приходятся друг другу родственниками или земляками. *Вторая модель* — это аренда квартиры с несколькими комнатами у проживающего там же владельца. Наконец, *третья модель* — аренда квартиры с несколькими комнатами (реже — однокомнатной) без проживания хозяина с последующей сдачей в наем койко-мест, в результате чего такие квартиры могут быть моно- или полиэтничными, а проживать в них

⁴ Хороший пример — Академический район, отдельные кварталы которого были по периметру застроены жилыми домами для «элиты», а внутри них расположились дома с гораздо менее благоустроенным жильем.

могут как родственники, так и не знакомые друг другу до вселения люди.

Остановимся кратко на двух последних моделях. У квартир, в которых одна комната (или кухня) остается за хозяином, а другая / другие сдаются, часто хозяином оказывается пожилой человек⁵:

Мы сюда приехали. Комната. Там тоже дедушка был тогда, мы комнату снимали за одиннадцать тысяч. <...> Только дедушка много пил. Покою не давал. Каждый день бухает, кричит ночью, плачет. Жену вспомнит. (P-07)⁶

По мере совместного проживания между мигрантами, родители которых остались в стране происхождения, и владельцем квартиры старшего возраста, который не имеет тесных связей с родственниками, могут формироваться «симбиотические» отношения, выходящие за рамки первоначального договора о сдаче недвижимости в аренду. В Средней Азии сильны установки на уважение старшего поколения, так что проживание пожилых людей отдельно от своих детей рассматривается как проблема. В результате пожилые хозяева квартиры могут «занимать место» родителей мигрантов, так что жильцы-мигранты начинают ухаживать за хозяйкой / хозяином квартиры, выполнять домашние дела, а в ряде случаев даже обеспечивать медицинский уход. В ответ хозяин / хозяйка могут, например, снизить стоимость проживания, а также заниматься с детьми «жильцов», обучая их русскому языку:

Мы снимали комнату — десять тысяч. <...> Там бабушка была. Бабушке я готовила, убирала ей, массаж, уколы делала. Потом <...> это уже третий-четвертый месяц, она говорит, семь тысяч платите, что ты мне готовишь, уколы делаешь, мне тоже тяжело, стыдно. Семьдесят лет было бабушке. Потом, поговорили, семь тысяч мы уже каждый месяц платили. Бабушке помогли. Вместе жили. (P-07)

Кроме того, такие отношения формируют привязанности, и хозяйку квартиры будут называть уже «своя бабуля», «наша бабуля»:

Р: Иногда я к своей сестре езжу на Рязанский проспект. У них своя бабуля есть, с одной бабулей живут. Нормально устроились там. Пять

⁵ Помимо случаев в выборке этого проекта, два подобных кейса были обнаружены автором во время экспедиции в Рузский район Московской области в 2012 году (экспедиция Лаборатории социологии образования и науки НИУ ВШЭ под руководством Д.А. Александрова), и еще один кейс — в проекте Центра исследований миграции и этничности РАНХиГС в московском районе Капотня в 2014 году.

⁶ Здесь и далее в расшифровках аудиозаписей сохранены особенности речи респондентов. В квадратных скобках — [] — добавлены пропущенные слова; сокращения в высказываниях обозначены фигурными скобками и многоточием — <...>. — *Прим. ред.*

лет уже моя сестра здесь живет и работает в одном месте. Поэтому все любит, знает: «Гулечка, Гулечка», — все вот так, бабуля к ней. Ей семьдесят девять лет.

И: Тоже двухкомнатная квартира, в одной бабушка, в другой сестра с мужем?

Р: Да, они за бабулей смотрят. Вчера она болела. В больницу попала. Они все сами делают. Она четыре тысячи платит за двоих. Все продукты они покупают. Они нормально работают. Моя сестра почти сорок тысяч получает. Она работает швеей, ремонт одежды. (P-16)

Квартиры, в которых сдаются комнаты или койко-места, могут быть моно- или полиэтничными. Моноэтничность «киргизских» квартир объясняется следующим. Как показало исследование киргизских мигрантов в Москве, более половины их тесных контактов — связи с другими киргизами, причем не только с земляками и родственниками, но и с теми, с кем знакомство произошло уже в Москве — что позволяет говорить о формирующемся в столице киргизском «городе» [3]. Таким образом, моноэтничность связана с составом и конфигурацией социальных сетей тех людей, которые снимают квартиру целиком и потом заполняют ее жильцами: информация о доступных койко-местах распространяется через моноэтничные киргизские социальные сети — и жильцами с большей долей вероятности оказываются киргизы:

И: Тоже в основном киргизы?

Р: У нас киргизы все.

И: Почему так получается?

Р: Ну как, снимают же квартиру полностью. Двушку, трешку, например. Сперва своих знакомых позовут на квартиру. Своих же собирают. Когда квартира нужна, спрашиваешь у знакомых. Звонишь. Квартира нужна. Кто у кого услышит — предлагают. (P-15)

Киргизский «город» и киргизские моноэтничные квартиры появляются в том числе в связи с высокими позитивными установками среди киргизских мигрантов в отношении «своей группы»⁷.

И: А как вот Вы искали? Ту, другую квартиру.

Р: Ну, вот, мы там жили, мы искали просто, когда у нас выходные были, мы вот, на дороге вот своих видим когда...

И: На улице.

Р: Мы у них спрашиваем: у вас там есть свободные места? вам квартиранты не нужны? Вот так.

И: Просто даже не знакомых людей, а просто если видите, что тоже с Киргизии?

Р: Да.

И: А если, например, с Узбекистана или с Таджикистана?

Р: Нет, мы узбеков и таджиков не спрашивали.

⁷ См. подробнее об этом: [3].

И: Почему?

Р: Потому что здесь вот узбеки отдельно живут, таджики отдельно живут. А [с ними] вот все вместе не сможем жить. Потому что мы, у нас в две тысячи десятом году как раз война была, да? Между узбеками [и киргизами]. А уже сейчас это, сейчас уже мы с ними не можем жить, уже доверия нету. (М-08)

Помимо киргизского «города» в социальном смысле, в Москве развивается инфраструктура, ориентированная на киргизских мигрантов (кафе, медицинские центры, спортивные клубы и т. д.), где для формирования моноэтнических квартир важны Интернет-сайты с объявлениями о сдаче и поиске жилья, больше всего — койко-мест.

Основные три модели проживания мигрантов в квартирах, таким образом, — это аренда одно- или двухкомнатной квартиры с родственниками или земляками; аренда комнаты в квартире с проживающим в ней же хозяином, часто пожилого возраста, с которым могут сформироваться «симбиотические» отношения; и аренда комнаты или койко-места в квартире, которая ближе по формату к общежитию и предполагает соседство с не знакомыми прежде людьми. Эти модели предполагают разную укорененность в место проживания: наибольшая привязанность у тех, кто проживает вместе с пожилыми владельцами квартиры в случае формирования «симбиотических» отношений; менее всего укоренены в места проживания те мигранты, которые арендуют койко-места в квартирах, где живут прежде не знакомые друг другу люди.

Структура отношений в квартире.

Три основные позиции — хозяин, квартиросъемщик, жильцы

Далее мы опишем третью модель, при которой в квартирах сдаются койко-места или комнаты, а жильцы — часто незнакомые друг другу люди. В таких случаях между большинством жильцов и хозяином квартиры практически нет никаких отношений. Квартира снимается одним человеком или семьей, из которой кто-то становится «ответственным квартиросъемщиком». Часто отличие этого человека заключается в наличии у него гражданства РФ. В отдельных случаях структура отношений усложняется: у квартиры есть ответственный квартиросъемщик, который сдает отдельно комнаты, а внутри них уже появляется человек, который сдает койко-места в «субаренду»:

В одной комнате хозяйка с мужем. В нашей комнате шесть человек. Ее бармену сдают, а он нас берет, квартирантов. (М-09)

Ответственный квартиросъемщик всей квартиры выступает представителем хозяина, и именно его называют «хозяином» остальные жильцы. Хотя иногда, в ситуациях недовольства жильцов этим квартиросъемщиком, они вспоминают, что он «не настоящий хозяин»:

Она вот вела себя как хозяйка, настоящая хозяйка. Но настоящая хозяйка, это, извините, русская женщина. (М-08)

Из-за того что владелец квартиры и жильцы незнакомы между собой, возникают схемы мошенничества:

Первый раз в этой квартире комнату снимали. Там другой человек жил <...>, но нам хозяина не показывали. <...> Потом он уехал и квартиру нам оставил. Он сказал, вы хотите квартиру эту снимать? Я говорю, если можно, — да, нам все равно надо квартиру. Он не показывал нам хозяйку: [якобы] «моя хозяйка не может ходить. Давайте мне деньги». А я никого не спрашивала. Он: «Давайте мне шестьдесят тысяч, а я отдам хозяйке, и договор сделаем». А я даже мужа не спрашивала. Эту сумму дала. А он нас обманывал. Уехал. Не передал деньги. Через месяц — настоящая хозяйка. «Кто вы такие?». Говорю: «Мы здесь живем». — «Как вы здесь живете — здесь другой человек живет». А мы в этой квартире полтора года жили, наша хозяйка не знала, кто там живет. Говорю, мы здесь комнату снимали, потом мы остались здесь. «А кто вас оставил?» Я говорю, [имя]. Тоже узбек был. Но он показывал одну женщину, но, оказывается, это не хозяйка была. Она: «Ну-ка собирайте вещи и уходите». Я говорю: «А мы куда пойдём, у меня ребенок. Он больной». У меня старший сын болен. Потом говорит: «Давайте будем договор [сделать]». Мы опять шестьдесят тысяч собирали и дали деньги. <..> Через нотариуса договор делали. (Р-08)

Упомянув владельца квартиры, мы оставим его за кулисами нашего дальнейшего рассказа, где хозяином впредь будет именоваться ответственный квартиросъемщик — как это происходит в квартирах и интервью наших информантов. За хозяином закрепляются права и обязанности. Владелец, сдав однажды квартиру, уже не будет знакомиться со всеми жильцами, которые могут не раз поменяться. Оплату за проживание вносит хозяин, он же отвечает за тишину и отсутствие проблем с соседями и участковым. При этом он получает право устанавливать стоимость проживания самостоятельно — и, регулируя количество жильцов, может создать ситуацию, когда будет жить там бесплатно, покрывая свои расходы оплатой остальных. В ежемесячную оплату со всех жильцов, помимо прочего, включаются расходы на участкового.

И: У вас там кто были соседи? Из Киргизии?

Р: Все, разных национальностей. Там живут, кто хочет. Кто платит — тот и живет. Кто не может платить, его сразу выселяют.

И: Там в квартире есть кто-то главный?

Р: Да. Главный. И он говорит, у нас условия такие, ты не один живешь. Живет десять человек. Это значит, что в ванную очередь, в туалет очередь, кухня — очередь.

И: То есть главный в квартире — он ее снимает и остальным сдает?

Р: Может, тоже на доле.

И: То есть тоже, может, немного зарабатывает?

Р: Конечно, зарабатывает. Из-за этого. А сам, может быть, живет бесплатно. (Р-06)

Р: Там мы койко-место снимали. Когда приехали. Одна комната, наверное, двенадцать человек жили. Такое место, двое. Наша хозяйка говорит, если не нравится, идите в другую квартиру. Эта квартира киргизка была, она снимала. Однокомнатная была. Они сами на кухне жили. А мы в комнате двенадцать человек. Со всех по четыре тысячи собирала. Мы с мужем восемь тысяч дали. Я говорю, давай другое место снимем. Она ладно, ладно. Два года там жили. Иногда по десять человек, иногда по двенадцать человек.

И: Так квартира выходила сорок тысяч?

Р: Да, но она, наверное, платила двадцать пять тысяч. У них двое детей было. Они не работали. Только муж работал <...> продавцом. Он хорошо зарабатывал. Он милиции, сказал, будет платить. (Р-08)

Хозяин может и регулировать общий режим комнаты или квартиры: синхронизировать сон и досуг жильцов (например, просмотр телевизора):

[Она] иногда запрещает вот по телефону разговаривать с кем-то. Если она хочет спать, все должны спать. Если она хочет телевизор смотреть, мы все в хате, мы не хотим телевизор смотреть [она все равно включает]. <...> Что она говорит, так и делают. Ну, слушаем, да, и это, получается, а она как королева. Если хочет, телевизор смотрит, если хочет, выключает. Можно мы это? — Нет, спать надо, давай, всем спокойной ночи. (М-08)

Между хозяином и жильцами «вертикальные» отношения. Если жилец в чем-то не согласен с хозяином, есть риск, что придется в скором времени искать новую квартиру. Так, девушка-киргизка О. в районе метро Молодежная вынуждена была уехать со своим мужем из квартиры, в которой поссорилась с подругой хозяйки. Впрочем, новую квартиру, тоже «киргизскую», они нашли быстро, и по условиям она не отличалась от первой. О. на вопрос о новом месте проживания ответила мне с грустью, что квартиры, «где живут киргизы», в Москве не отличаются друг от друга: их основные атрибуты — это койко-место, висящее на просушке белье и очередь в ванную.

Отношения в такой квартире между людьми, не знакомыми друг с другом до этого, далеко не всегда переходят в разряд дружбы или близкого знакомства, часто оставаясь сугубо функциональными. Сохранению дистанции способствует несколько факторов. Во-первых, жильцы работают интенсивно, но зачастую в разных режимах (одни — ночью, другие — днем), так что времяпрепровождение в квартире в бодрствующем состоянии сокращено до минимума: соседи редко видят друг друга. Во-вторых, жильцы очень слабо привязаны к квартире и часто меняются — настолько часто, что даже точное число своих соседей не все могут назвать. Кроме того, поиск жилья в

Москве предполагает использование не только личных социальных сетей, когда жильцов и хозяина объединяют общие знакомые, но и «городских» институтов вроде интернет-сайтов московских киргизов. Все это создает ситуацию, когда крепкие социальные связи не формируются, а взаимные обязательства между жильцами и хозяином минимальны:

И: Сколько человек в квартире?

Р: Всегда по-разному, всегда меняется, то больше становится, то меньше, иногда одиннадцать, иногда двадцать. (А-07)

И: А здесь, сколько человек в квартире?

Р: Человек пятнадцать, наверное.

И: Даже не знаете, сколько точно?

Р: Если честно, я утром ухожу, вечером прихожу. Я даже всех на лицо не знаю.

<...>

И: То есть вы живете вместе, а поговорить не всегда есть время? Вышли все вместе те же люди на природу и уже по-другому?

Р: Да. Потому что некоторые в ночь работают. Утром, когда встаешь, они уже с работы приходят, спят. Кто-то пораньше уходит. Кто-то даже позже уходит, он спит. (Р-15)

И: Остальные, кто ваши соседи? Первый раз видели?

Р: Да. Киргизы тоже. Узбеков нет. Вчера [еще] один парень приехал. Он живет или не живет, не знаю. <...> Я вечером приеду домой, приготовит жена [ужин], съем и спать. (Р-16)

Слабая привязанность жильцов к квартире и минимальные обязательства жильцов и хозяина в отношении друг друга, с одной стороны, делают жильцов уязвимыми, поскольку в случае конфликта, как в приведенном выше примере, они должны будут квартиру покинуть и искать новое жилье. С другой стороны, это дает им возможность обернуть эту ситуацию себе на пользу. Так же, как и в коммунальной квартире [6], в этих квартирах сильно ощущение «справедливости». Когда же «справедливость» нарушается, оружием может стать неожиданный для хозяина, без предупреждения, уход жильцов, который наносит финансовый ущерб хозяину. Хозяин несет риски: если квартира не заполнена, то нет финансовых поступлений от жильцов, тогда как оплату за квартиру он должен внести реальному владельцу в срок. Эти отношения очень хорошо иллюстрирует следующая история. Молодая женщина Н. из Киргизии была обижена на свою хозяйку за то, что та, во-первых, переложила всю домашнюю работу на нее, во-вторых, не ценила этой домашней работы Н. В этой же квартире появился и другой очаг недовольства: хозяйка пообещала семье новых жильцов-таджиков отдельную комнату, они въехали, а оказалось, что отдельной комнаты она им предоставить не может. В итоге Н. со

своими двумя родственниками съехали с квартиры внезапно, вслед за новыми жильцами-таджиками. В итоге хозяйка оказалась сразу без пяти жильцов, и это, как рассчитывает Н., создаст для нее значительные трудности. У хозяйки нет инструментов социального контроля и воздействия на жильцов: они не имеют никаких связей, не были знакомы до приезда в Россию и, будучи из разных стран, могут встретиться только в Москве.

Р: А остальные, они мужчины были. Мой племянник мужчина, он тоже не убирает <...>. Поэтому она мне сказала: «Ну, как, ты женщина, ты одна только [остаешься], я ночью на работу пойду, а ты, с работы придёшь, немножко убери, и все, чтоб чисто было». <...> Ну, это не моя обязанность. Она просто попросила, я уважаю, с уважением же это выполняла. Ну, в конце концов, я тоже человек, я тоже устаю, как они, они ночью работают устают, а я днем работаю устаю, <...> каждый день надо убирать вот это, я сказала, я не буду убирать и всё. И тем более, тот день, <...> вечером пошла домой и там я убирала. Сестра увидела, я убирала всё полностью. А потом, [на следующий день, хозяйка] племяннику сказала, что пусть она это, на кухне уборку делает — [а то] она не делает ничего. А потом я сказала: извините, если вечером я сделала уборку, [ваша] дочка видела, <...> почему дочка не сказала маме, что [имя информантки] убирала все. Я стояла вот, не смогла я сказать, мне уже как-то больно было, да, я убираю, убираю, никто не замечает, ничего не делает, а наоборот, мне замечания делают. Почему она не убирает. Когда приходят, да, мусор забирай с собой. Вот, поэтому я сказала «извините» тогда. Сестре сказала, племяннику сказала: когда у вас выходной будет, за один день будете [искать квартиру], я больше не буду жить здесь, хотя здесь мало народу, но здесь мне как-то душно уже жить.<...> Мы же, вот так, в Москве какая система, если ты выходишь, на другую квартиру переедешь, ты должна предупредить хозяйку хотя бы десять дней назад. А мы же сразу, вот так же. Мы специально сделали для нее...<...> мы специально сюрприз готовили.<...> Они просто когда сразу они [семья таджиков] вышли вот с квартиры, нашли другую квартиру, потом мы же тоже сразу, за ними мы пошли, переехали на другую квартиру, <...>. Потом за ними, вот, один день они, второй день мы. <...> Когда я узнала, я сказала: я такой сюрприз готовлю для неё, что, не сказав ничего, не предупреждая, сразу выходим и все. Это ответ таджикам будет, вместо этого, всё-таки они не буд[у]т мстить, это мы будем, мы должны отомстить и все, уезжать. А потом мы так сделали. Ночью пришли, в [кафе] «KFC», сидели, общались, хохотали, а потом пришли домой, собирали вещи, <...>, и все, дочке [хозяйки] сказала: все, мы это, перееедем, перееедем на другую квартиру, мы здесь не можем оставаться. (М-08)

Большое количество соседей, скученность, ограниченность личного пространства — это все питает потребность в других пространствах, где можно отдохнуть — например, кафе:

И.: Какие ваши впечатления? Похоже это кафе на такие кафе, как у вас дома?

Р.: Как сказать. Все равно, как у себя не посидишь. Здесь, во-первых, дорого, хоть и киргизское кафе. Мы чисто идем, отдохнуть, чуть-чуть выпить, не то чтоб прямо, потанцевать, поговорить. Даже бывает, если на квартире вместе живем, негде поговорить. Например, я сегодня поздно приду, те уже покушали и уже спать. (Р-15)

Если хозяин уезжает на время, он может оставлять вместо себя «исполняющего обязанности», «назначив» его из числа жильцов, с кем поддерживаются хорошие отношения, или пригласив на время отсутствия своего знакомого, живущего в другом месте:

Р.: Нормально сейчас живём, она в Турции сейчас, хозяйка.

И.: Отдыхает?

Р.: Да, отдыхает. Семь дней отдыхает, вместо неё хозяйка я. (смех)

<...>

И.: А вот из-за того, что Вы хозяйка теперь, Вы что должны делать, у Вас какие-то обязанности есть?

Р.: Да, обязанность большая, ну, надо смотреть, чем занимаются они, квартиранты, что делают, ну, почистить надо, чистоту любит она, наша хозяйка чистоту любит. Чтобы никуда не ушли, не открывали дверь чужим, вот, я смотрю за ней. (М-03)

Р.: Квартира, где я живу, двухкомнатная на [название станции метро]. А вообще я временно сейчас живу в [другой] квартире <...>.

И.: А почему вы живете там?

Р.: Потому что моя подруга попросила меня присмотреть за ее квартирой, т.е. она ответственный квартиросъемщик, уехала на месяц в Кыргызстан, а я там присматриваю вместо хозяйки. А так живу я на [название другой станции метро]. (А-09)

Одна из траекторий карьеры квартиросъемщика

Между описанными выше позициями возможны переходы, которые и формируют траектории карьеры квартиросъемщика. Не останавливаясь подробно на возможных траекториях, мы опишем одну из них, в рамках которой происходит переход от позиции жильца, снимающего койко-место, к позиции «хозяина» квартиры.

По приезду мигранта встречают его родственники или знакомые; они предлагают ему место жительства, оценить которое он может исходя из представлений о месте жительства, «привезенных» из страны происхождения, но еще не адаптированных к московским реалиям.

Со всеми я жила, в “Китай-город” сорок с чем-то человек было. Встаешь, стоишь в очереди, кто последний, кроме вас, как будто в банке стоишь. Я так удивилась, <...> потом я сестренке сказала: «Как ты живёшь здесь! Кухня, зайдешь — запара. В туалет запара, там, всегда занято. Ванна — запара», — извините, вот так. — «Как ты живёшь здесь, я, например, не могу жить в таком месте». Потом сразу другую

квартиру нашли и сюда переехали. Ну, нормально должна жить, нормально. (М-08)

И: А можете рассказать о ваших впечатлениях от Москвы? Что вас удивило, что привлекло ваше внимание? Ваше первое впечатление от Москвы?

Р: В первый раз когда приехала в Москву, мне не понравилось, потому что мы жили в одной квартире по несколько человек и неудобно было, и для меня было непривычно. Там же мы привыкли — одни жили в доме, то есть с семьей, а тут в одной квартире жили по двадцать–тридцать человек, неудобно было. А сейчас мне нравится Москва, потому что Москва кормит меня. (А-05)

Часть информантов приспособилась к предложенным условиям проживания (фрагмент А-05 выше), перенесла фокус внимания с условий проживания на возможность зарабатывать; другая часть решительно их поменяла (фрагмент М-08 выше).

Постепенно мигрант начинает ориентироваться в пространстве и социальной жизни города, разнообразить свой социальный капитал и узнавать об имеющихся возможностях: либо через Интернет (например, у киргизских мигрантов уже появилось несколько сайтов, которые работают как форумы и доски объявлений, через которые очень быстро можно найти жильцов или жилье), либо офлайн: по своим социальным сетям, в которых могут быть как мигранты, так и местные жители, а кроме того — через «мигрантские» места в районе. Например, в одном из районов таким местом циркуляции информации была точка продажи лепешек из тандыра. Киргизские мигранты, опять же, в силу высоких позитивных установок в отношении «своей группы», могут обращаться к незнакомым киргизам прямо на улице (такой пример приведен выше). В итоге, мигрант находит себе место в другой квартире — часто в той, что ближе к работе, с лучшими условиями, — например с меньшим количеством жильцов.

И: А почему меняли жилье?

Р: Где работа, поблизости и искали жилье, поэтому и меняли. (М-16)

Переход на другую «позицию» внутри этой карьерной траектории — аренда отдельной комнаты или с родственниками, или с незнакомыми людьми с целью получения заработка на субаренде. Аренда отдельной комнаты — это большая приватность и свобода, — например, это возможность принимать гостей:

И: А как вы [праздники] отмечаете, идете в кафе?

Р: Нет, что вы. Только дома, поэтому мы снимаем комнату, чтобы было, где встречаться с родственниками. И живем тоже только вместе с родственниками. И ходим друг другу в гости. (А-10)

Наконец, следующий переход происходит, когда мигрант снимает квартиру самостоятельно и таким образом занимает позицию «хозяина». Если для аренды койко-места или комнаты можно оставаться

в рамках «мигрантского» рынка жилья, производя поиски, например, в Интернете, то для аренды квартиры, как правило, требуется выйти на общероссийский рынок съемного жилья с его дискриминацией, что делает невозможным поиск квартиры для тех, кто по-русски не говорит или говорит слишком плохо.

Р: [Спустя три года] мы уже сами сняли [однокомнатную квартиру].

И: Как вы искали эту квартиру?

Р: Через агентство недвижимости. Мы в Интернете искали. Звонили.

И: Не спрашивали о национальности?

Р: Спрашивали. Вы какой национальности? Мы говорим, из Киргизии. Они говорят, нам не нужны. Как, может, договоримся?

<...>

И: Долго искали?

Р: Нет, я уже знал правила, как надо, как надо разговаривать, <...> как обращаться с этими агентствами. Как надо ходить, как звонить. Хозяйка тоже не просто так соглашаются. Если узнают, что ты приезжий, гастарбайтер можно сказать [смех], сразу говорят «нет». (P-06)

Аренда отдельной квартиры самостоятельно — это максимальная свобода в действиях:

И: Ходите ли тогда в гости или к вам ходят гости?

Р: Частично ко мне ходят. Потому что мы сами снимаем квартиру, и мы живем одни. Из-за этого у нас условия хорошие. (P-06)

Описанная здесь траектория, линейная и восходящая, представляет собой лишь один из многих вариантов, которые требуют отдельного исследования, с выяснением факторов, опосредующих переход к каждой новой позиции. Уже сейчас ясно, что траектория может пропускать отдельные позиции, или последовательность смены позиций может быть обратной (например, человек снимает комнату, а потом перебирается на койко-место).

И: Можете рассказать про свое жилье? Вначале вы жили с родственниками. Потом с друзьями снимали.

Р: Это не секрет, в Москве таких много резиновых домов. Я тогда устроился и жил в таких же домах, которые называют резиновые. Там даже не жил, только ночевал. Платил за койко-место. Приходил после работы, спал. Утром вставал — на работу шел. Тогда я работал без выходных каждый день <...> и кушал [на работе]. Потому что куда было идти, когда выходные. Дома лежать неудобно. Работал без выходных.

И: Резиновая, значит, много людей было в квартире?

Р: Да. В комнате в среднем десять человек. Просто ночевать и все. <...> Первые три года так прошло. Потом я сам искал квартиру. Но у меня так много людей не жило. <...> Мы, по-любому, будем платить три суммы: хозяину, на первый и последний месяц, а третью сумму они берут себе сто процентов. Из-за этого мы согласились. Жить-то надо было. Захотелось жить нормальной жизнью. Не в толпе. (P-06)

И: Как вы живете, снимаете комнату или койко-место, сколько человек с вами живет, с кем живете?

Р: Раньше снимали комнату, потом решили снимать койко-место, потому что много денег уходило. Сейчас койко-место снимаем, в комнате нас проживает четыре человека. Вообще у нас в квартире одиннадцать человек, квартира трехкомнатная, ну, нормально, жить можно. А когда мы только приехали, там жило тридцать человек. (А-02)

Заключение

В этой статье мы описали основные позиции «карьеры квартиросъемщика»: во-первых, рядовой жилец, арендующий койко-место в квартире с другими, не знакомыми прежде мигрантами; во-вторых, арендующий отдельную комнату и, наконец, «хозяин», то есть ответственный квартиросъемщик. Траектория движения от рядового жильца к «хозяину», описанная в статье, является лишь одной из многих возможных. Позиции отличаются набором «должностных обязанностей» и объемом властных полномочий. «Хозяин» регулирует и контролирует происходящее в квартире и может выселить рядового жильца в случае конфликта; он же взаимодействует с участковым и реальным владельцем квартиры, перед которым несет ответственность за порядок и своевременную оплату квартиры. Впрочем, рядовые жильцы также обладают инструментами сопротивления, например, могут без предупреждения покинуть квартиру, таким образом нанеся финансовый ущерб «хозяину». Покинув квартиру, бывшие жильцы более не подотчетны прежнему «хозяину»: слабые городские связи, которые свели их вместе на период проживания в одной квартире, не позволяют «хозяину» каким-либо образом на них воздействовать.

Рассмотренные позиции относятся к одной из трех возможных моделей проживания — проживанию в квартире с несколькими комнатами и субарендой койко-мест незнакомым людям. Две другие выделенные в статье модели — это аренда комнаты / комнат с проживающим в той же квартире хозяином, часто преклонного возраста, и аренда одно- или двухкомнатной квартиры совместно с родственниками или земляками.

Модели проживания предполагают формирование разной степени привязанности к месту жительства. Проживание совместно с пожилым хозяином квартиры — это, пожалуй, максимальное укоренение из всех возможных, особенно если возникает «симбиоз», когда мигранты-жильцы начинают ухаживать за владельцем квартиры, который сдает им комнату дешевле или занимается с их детьми. Жильцы платят не только деньгами, но и заботой, которой этот владелец может не получать от своих родственников. Напротив, минимальная привязанность — у мигранта, снимающего койко-место в квартире, где он незнаком с соседями и более того, даже не знает, точного их количества. Он не замечает кардинальных отличий одной квартиры от другой, разве что в количестве жильцов. Это максимальное отчуждение как от соседей, так и от самой квартиры, которая на некоторое

время могла бы стать «домом». Высокая мобильность жильцов и их отчуждение — черты, отличающие эти квартиры от коммунальных, где стабильность жильцов гораздо выше, четко очерчены границы и нормы коммунального быта. В квартирах с койко-местами высокая мобильность, часто меняются соседи, и жильцы не держатся за такую квартиру. Поэтому конфликты не длятся так долго, как в коммуналках: люди просто уходят жить в другое место. Квартиры с субарендой койко-мест по характеру возникающих отношений (анонимных и отчужденных) более похожи на доходные дома, существовавшие в США в начале XX века — «мир меблированных комнат — мобильный, анонимный, индивидуальный мир» [5, с. 170].

Структурные позиции, которые занимают киргизские и узбекские мигранты в Москве, не предоставляют возможности «зацепиться» за эти квартиры и укорениться в них: этому препятствуют характер их рабочих мест, режим работы, структура бюджета домохозяйства. «Зацепиться» можно, только поднявшись по «карьерной лестнице» и сменив позицию с жильца, арендующего койко-место, на ответственного квартиросъемщика. Перед которым, впрочем, все так же будут мелькать сменяющиеся лица его жильцов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаджанян В., Зотова Н. Социальная уязвимость и сексуальные риски женщин-мигрантов из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. 2011 [электронный ресурс]. Дата обращения 06.06.2015. URL: <<http://demoscope.ru/weekly/2011/0465/analit02.php>>.
2. Бредникова О., Ткач О. Дом дляномады // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2010. № 3. С. 72–95.
3. Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Кочкин Е.В., Кулдина Е.С. Киргизские мигранты в Москве: результаты количественного исследования интеграционных траекторий [2014] // Social Science Research Network. Tomorrow's Research Today [электронный ресурс]. Дата обращения 06.06.2015. URL: <<http://ssrn.com/abstract=2425312>>.
4. Вендина О.И. Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? / Общ. ред. Ж. Зайончковской; Центр миграционных исследований; Институт географии РАН. 2005 // Центр миграционных исследований [электронный ресурс]. Дата обращения 06.06.2015. URL: <http://migrocenter.ru/publ/m_vendina.php>.
5. Зорбо Х.У. Золотой берег и трущобы // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2004. № 3. С. 115–154; № 4. С. 140–178.
6. Утехин И.В. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2004. — 277 с.
7. Abramsson M., Borgegård L.E., Fransson U. Housing careers: Immigrants in local Swedish housing markets // Housing Studies. 2002. Vol. 17. No. 3. P. 445–464.
8. Alesina A., La Ferrara E. Preferences for redistribution in the land of opportunities // Journal of Public Economics. 2005. Vol. 89. No. 5. P. 897–931.

9. *Alesina A., Zhuravskaya E.* Segregation and the quality of government in a cross-section of countries // *American Economic Review*, American Economic Association. 2011. Vol. 101. No 5. P. 1872–1911.
10. *Bolt G., Özüekren A.S., Phillips D.* Linking integration and residential segregation // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010. Vol. 36. No. 2. P. 169–186.
11. *Bolt G., Van Kempen R.* Ethnic segregation and residential mobility: Relocations of minority ethnic groups in the Netherlands // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010. Vol. 36. No. 2. P. 333–354.
12. *Ehrkamp P.* Placing identities: Transnational practices and local attachments of Turkish immigrants in Germany // *Journal of Ethnic and Migration studies*. 2005. Vol. 31. No. 2. P. 345–364.
13. *Kasinitz P., Mollenkopf J.H., Waters M.C., Holdaway J.* *Inheriting the City: The Children of Immigrants Come of Age*. New York: Russell Sage Foundation; Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008. — 420 p.
14. *Kendig H.L.* Housing careers, life cycle and residential mobility: implications for the housing market // *Urban Studies*. 1984. Vol. 21. No. 3. P. 271–283.
15. *Massey D.S., Denton N.A.* The dimensions of residential segregation // *Social forces*. 1988. Vol. 67. No. 2. P. 281–315.
16. *McGarrigle J.L.* Understanding processes of ethnic concentration and dispersal: South Asian Residential preferences in Glasgow. Amsterdam University Press, 2010. — 255 p.
17. *Murdie R.A.* The housing careers of Polish and Somali newcomers in Toronto's rental market // *Housing Studies*. 2002. Vol. 17. No. 3. P. 423–443.
18. *Musterd S., Van Kempen R.* Segregation and housing of minority ethnic groups in Western European cities // *Sociale geografie*. 2009. Vol. 100. No. 4. P. 559–566.
19. *Phillips D., Davis C., Ratcliffe P.* British Asian narratives of urban space // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2007. Vol. 32. No. 2. P. 217–234.
20. *Phillips D.* Minority ethnic segregation, integration and citizenship: a European perspective // *Journal of Ethnic and Migration studies*. 2010. Vol. 36. No. 2. P. 209–225.
21. *Phillips D.* Parallel lives? Challenging discourses of British Muslim self-segregation // *Environment and Planning*. 2006. Vol. 24. No. 1. P. 25–40.
22. *Putnam R.D.* E pluribus unum: Diversity and community in the twenty first century the 2006 Johan Skytte Prize Lecture // *Scandinavian political studies*. 2007. Vol. 30. No. 2. P. 137–174.
23. The return of the multi-generational family household // Pew Research Center [online]. Date of access 06.06.2015. URL: <<http://www.homedestination.com/pdf/PEW-research/multi-generational-family-homes-3.18.2013.pdf>>.
24. *Uslaner E.M.* Trust, diversity, and segregation in the United States and the United Kingdom // *Comparative Sociology*. 2011. Vol. 10. No. 2. P. 221–247.
25. *Van Kempen R., Şule Özüekren A.* Ethnic segregation in cities: new forms and explanations in a dynamic world // *Urban studies*. 1998. Vol. 35. No. 10. P. 1631–1656.

Дата поступления: 06.02.2015.

A.L. ROCHEVA

Rocheva Anna Leonidovna — Research fellow at Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration, Junior research fellow at Institute of Sociology Russian Academy of Sciences. **Address:** Prospect Vernadskogo, 84/3, of. 2105, 119571, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (916) 135-54-00. **Email:** anna.rocheva@gmail.com

RESEARCH OF “TENANT CAREER” POSITIONS AND HOUSING MODELS OF MIGRANTS FROM KYRGYZSTAN AND UZBEKISTAN IN MOSCOW

Abstract. This article addresses a topic that is thoroughly studied in international research but is almost ignored in the Russian social sciences, which is migrants’ residency in the receiving society. The goal of the article is to elaborate on the concept of “housing career” which means change of housing consumption of an individual or a household in the life course. Limiting oneself to the cases of rented premises, the author constricts herself to the concept of “tenant career” and shows the main positions of the career, as well as resources, obligations and social relations which pertain to these positions. The article outlines one of the possible “tenant career trajectories” that goes from the position of a person renting a bed to the position of the “principle tenant”. Moreover, the article discusses three migrant housing models, each of which implies a specific degree of belonging to the place of residence. The minimum belonging is characteristic of a migrant who rents a bed in a flat where he knows no flatmates and even has no idea of their exact number. The maximum belonging is typical for a migrant who rents a room or flat with its aged owner living there when “symbiotic relations” between them are formed: migrants-tenants start caring for the owner who takes less money. The empirical basis of the article consists of 61 interviews conducted in 2013 with migrants from Kyrgyzstan and Uzbekistan in Moscow.

Keywords: housing models of migrants, tenant career, housing career, anonymization, belonging.

REFERENCES

1. Agadzhanjan V., Zotova N. *Social'naja ujazvимость i seksual'nye riski zhenshhin-migrantov iz Srednej Azii v Moskve*. Demoskop Weekly. 2011 [jelektronnyj resurs]. Data obrashhenija 06.06.2015. URL: <<http://demoscope.ru/weekly/2011/0465/analit02.php>>. (In Russ.)
2. Brednikova O., Tkach O. *Dom dlja nomady*. Laboratorium. Zhurnal social'nyh issledovanij. 2010. № 3. S. 72–95. (In Russ.)
3. Varshaver E.A., Rocheva A.L., Kochkin E.V., Kuldina E.S. *Kirgizskie migranty v Moskve: rezul'taty kolichestvennogo issledovanija integracionnyh traektorij* [2014]. Social Science Research Network. Tomorrow’s Research Today [jelektronnyj resurs]. Data obrashhenija 06.06.2015. URL: <<http://ssrn.com/abstract=2425312>>. (In Russ.)
4. Vendina O.I. *Migranty v Moskve: grozit li rossijskoj stolice jetnicheskaja segregacija?* [Obshh. red. Zh. Zajonchkovskoj; Centr migracionnyh issledovanij; Institut geografii RAN. 2005. Centr migracionnyh issledovanij] [jelektronnyj resurs]. Data obrashhenija 06.06.2015. URL: <http://migrocenter.ru/publ/m_vendina.php>. (In Russ.)
5. Zorbo H.U. *Zolotoj bereg i trushhoby*. Social'nye i gumanitarnye nauki za rubezhom. Ser. 11. Sociologija. 2004. № 3. S. 115–154; № 4. S. 140–178. (In Russ.)
6. Utehin I.V. *Ocherki kommunal'nogo byta*. Moskva: OGI, 2004. — 277 s. (In Russ.)
7. Abramsson M., Borgegård L.E., Fransson U. *Housing careers: Immigrants in local Swedish housing markets*. Housing Studies. 2002. Vol. 17. No. 3. P. 445–464.
8. Alesina A., La Ferrara E. *Preferences for redistribution in the land of opportunities*. Journal of Public Economics. 2005. Vol. 89. No. 5. P. 897–931.

9. Alesina A., Zhuravskaya E. *Segregation and the quality of government in a cross-section of countries*. American Economic Review, American Economic Association. 2011. Vol. 101. No 5. P. 1872–1911.
10. Bolt G., Özüekren A.S., Phillips D. *Linking integration and residential segregation*. Journal of Ethnic and Migration Studies. 2010. Vol. 36. No. 2. P. 169–186.
11. Bolt G., Van Kempen R. *Ethnic segregation and residential mobility: Relocations of minority ethnic groups in the Netherlands*. Journal of Ethnic and Migration Studies. 2010. Vol. 36. No. 2. P. 333–354.
12. Ehrkamp P. *Placing identities: Transnational practices and local attachments of Turkish immigrants in Germany*. Journal of Ethnic and Migration studies. 2005. Vol. 31. No. 2. P. 345–364.
13. Kasinitz P., Mollenkopf J.H., Waters M.C., Holdaway J. *Inheriting the City: The Children of Immigrants Come of Age*. New York: Russell Sage Foundation; Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008. — 420 p.
14. Kendig H.L. *Housing careers, life cycle and residential mobility: implications for the housing market*. Urban Studies. 1984. Vol. 21. No. 3. P. 271–283.
15. Massey D.S., Denton N.A. *The dimensions of residential segregation*. Social forces. 1988. Vol. 67. No. 2. P. 281–315.
16. McGarrigle J.L. *Understanding processes of ethnic concentration and dispersal: South Asian Residential preferences in Glasgow*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. — 255p.
17. Murdie R.A. *The housing careers of Polish and Somali newcomers in Toronto's rental market*. Housing Studies. 2002. Vol. 17. No. 3. P. 423–443.
18. Musterd S., Van Kempen R. *Segregation and housing of minority ethnic groups in Western European cities*. Sociale geografie. 2009. Vol. 100. No. 4. P. 559–566.
19. Phillips D., Davis C., Ratcliffe P. *British Asian narratives of urban space*. Transactions of the Institute of British Geographers. 2007. Vol. 32. No. 2. R. 217–234.
20. Phillips D. *Minority ethnic segregation, integration and citizenship: a European perspective*. Journal of Ethnic and Migration studies. 2010. Vol. 36. No. 2. P. 209–225.
21. Phillips D. *Parallel lives? Challenging discourses of British Muslim self-segregation*. Environment and Planning. 2006. Vol. 24. No. 1. P. 25–40.
22. Putnam R.D. *E pluribus unum: Diversity and community in the twenty first century the 2006 Johan Skytte Prize Lecture*. Scandinavian political studies. 2007. Vol. 30. No. 2. P. 137–174.
23. *The return of the multi-generational family household*. Pew Research Center [online]. Date of access 06.06.2015. URL: <<http://www.homedestination.com/pdf/PEW-research/multi-generational-family-homes-3.18.2013.pdf>>.
24. Uslaner E.M. *Trust, diversity, and segregation in the United States and the United Kingdom*. Comparative Sociology. 2011. Vol. 10. No. 2. P. 221–247.
25. Van Kempen R., Şule Özüekren A. *Ethnic segregation in cities: new forms and explanations in a dynamic world*. Urban studies. 1998. Vol. 35. No. 10. P. 1631–1656.

Date of access: 06.02.2015.